

О депортации нам рассказывали немного

Шкуропет Мария Фридриховна

Мои родители – Мейлер Фридрих Петрович (1931 г.р.) и Анна Михайловна (в девичестве Штумпф, 1928 г.р.) познакомились и поженились на спецпоселении в п. Волково Александровского района, куда они были высланы в составе своих семей в 1941 году из села Варенбург Куккусского района Саратовской области. Родители трудились в колхозе на разных работах - рыбный промысел, лесозаготовки, строительство, заготовка сена. С утра и до позднего вечера, работали за трудодни. На спецпоселении в 1954 году у них родилась я. После реабилитации немцев Поволжья в 1957 году наша семья уехала в Красноярский край, но в 1959 году мы вернулись обратно. Практически сразу из п. Волково мы переехали в п. Колтогорск, где прожили до 1975 года. Именно тогда п. Колтогорск прекратил свое существование. Его постоянно затапливало, многие жители переезжали в Стрежевой или в другие населенные пункты, и к середине 70-х годов в Колтогорске оставалось лишь несколько семей. Родители тогда переехали в с. Александровское.

В г. Стрежевом я живу с 1965 года, когда пошла учиться в 5 класс. После школы с одноклассницами уехала учиться в г. Колпашево. Вернувшись, устроились втроем в ТГС на коммутатор телефонистками, проработали там 10 лет. В 1972 году я вышла замуж и до сих пор проживаю в г.Стрежевом.

В 1942 году оба моих деда были направлены в трудармию, откуда они не вернулись. Обе бабушки с детьми познали все тягости жизни на спецпоселении: у Амалии Яковлевны Штумпф было пятеро, шестой умер в дороге, у Марии Филипповны Мейлер - пять дочерей и сын. Обе бабушки всегда были рядом. Мария Филипповна проживала с нами, Амалия Яковлевна - за стенкой в том же бараке.

Бабушку Марию часто называли Мария - Мигис вейс (“тётка”). В Красноярском крае с ней случилась беда. Во время грозы бабушка сидела у раскрытого окна и расчесывала волосы. Говорят, именно расческа стала причиной того, что бабушку ударила молния. Ее без сознания вытащили во двор, закопали в песок, а когда она пришла в себя – увезли в больницу. Но удар не прошел бесследно, ее трясло до конца жизни. Я проводила с ней много времени, она любила меня и иногда своей болезнью прикрывала мои провинности. На трясущиеся бабушкины руки свалить мою вину за разбитую чашку или сломанный будильник было проще простого.

Бабушка Амалия родилась в один день с Брежневым. Помню, как она ждала этот день, 19 декабря, читала в газетах про Леонида Ильича и всегда радовалась, чувствуя как бы свою сопричастность к дню рождения вождя.

Бабушки знали много детских стишков и потешек на немецком, учили меня: «Хос-хос трильдя хат та пауэр фильдя, дас фильдя как нет лава вильст та пауэр выкаве, ист с фильдя век хот (имя) трек».

А еще научила детской молитве – она похожа на «Отче наш»: “Им химмель штиде пеймья, хат со шейне эстерья, па унс пам либе хайляйде ист де алле пест...” и так далее.

Вообще до 4-5 лет я русского языка не знала, в семье разговаривали по-немецки. И папа, и бабушки знали много немецких песен и пели их с удовольствием.

О депортации нам рассказывали немного. Семью Мейлер в числе других спецпереселенцев из Новосибирска отправили по Оби на барже сразу, семья Штумпф после Новосибирска недолго пробыла на ст. Болотное и на север была отправлена весной 1942 г. Вещей никаких с собой ни у кого практически не было. В Волково расселялись кто в землянках, кто в постройках для скота, те, кого сразу брали на работу, жили в бараках, а кого-то подселяли к уже живущим здесь семьям. Холодно было и голодно. Случай был несчастный, двое ребятишек умерли. Они ядовитый вех приняли за дикий чеснок, набрали, принесли домой и начали жарить на печке. Они, кажется, его даже не ели, а просто надышались. Без присмотра были.

Местные относились к немцам по-разному. Чувствовалась обозленность, но находились и те, кто жалел, пытался помочь. Очистки картофельные отдавали. Детей 11-12 лет брали в няньки, работать за еду. Моя мама, например, была нянькой в семье Поликарпа Харчевникова. Потом работала на телятнике. Умела прясть, вязать. В 25 лет за папу замуж вышла. Во время беременности ее перевели на легкий труд, и она возила воду на лошади с речки. В Волково была школа, папа закончил 4 класса (два - в Поволжье, два - в Волково). Учительницей там работала Шипицына Мария Максимовна. А ее свекровь, бабушка Марья, была повитухой. Про нее говорили, что с ней лучше, чем в больнице. Раньше же долго не лежали, три дня после родов – и на работу. Она приняла всех детей, рожденных в 50-х годах. До Александрово, где была больница, не было возможности ехать, и эта бабушка без институтского образования, принимала самые сложные роды без потерь. А папа наш работал на лесозаготовках, бывало, что они с мужиками надолго уезжали. Одежды, обуви особо никакой не было, ни штанов, ни чулок, в сапоги солому стелили, чирки и бахилы сами себе делали. Папа всегда хорошо шил одежду, даже мне платья, помню, выкраивал и шил. Когда папа работал на лесозаготовках, бабушка была прачкой, обстирывала мужиков. Руки у нее были все стянутые, очень болели, стирали ведь вручную, а зимой прямо в ледяной проруби. Трудились много, выживали как могли. А уже в 60-х годах папа работал рыбаком. В Колтогорске был рыбпункт, и все пойманную рыбу там сдавали. Ледники были, лед для хранения рыбы выпиливали вручную. Рыбу грузили на баржу и увозили на завод в Александровское, а икру осетровую закручивали на месте. Там работали в

белых халатах, банки металлические большие были (килограмма на два), синего цвета, со специальными резинками. Икру в этих банках увозили в Томск, а оттуда, как говорили, за границу.

Взрослые все время работали, много внимания уделять нам не могли, поэтому мы учились в стрежевской школе с 5 класса, в будние дни жили в интернате, а на выходные ходили домой в Колтогорск. Жили в комнатах по 8-12 человек, две комнаты для девочек, две для мальчиков. Туалет на улице, общие умывальники-рукомойники подвесные, столовая комната была с четырьмя столами, мы там же уроки делали. Сторож нам печку топил, повар еду готовила. Продукты родители на каждого ребенка сдавали под запись – картошку, мясо, молоко, масло. Крупы вскладчину покупали. За хлебом ходили в местный магазин и в специально сшитых мешках носили хлеб. Воспитатели у нас были хорошие. С нами работали Анна Андреевна Елунина, Валентина Ивановна Мергер, Ираида Васильевна Носова. Ни техничек, ни горничных у нас не было, мы следили за порядком и дежурили сами. Школьная форма была обязательной. Воротнички, манжеты – дети всегда сами стирали, гладили, подшивали. Их проверяли регулярно, не дай Бог учительница заметит грязный воротничок. Помню, как-то из отпуска родители привезли мне красивую форму синего цвета. Я была такой счастливой! Но в школе носить мне ее, увы, не разрешили.

Помню, в начальной школе брат мой двоюродный Лёнька рогатку сделал, или ему мальчишки дали, неважно, но выстрелил он, не целясь, и попал в портрет Чапаева, прямо в глаз Василию Ивановичу. Как же брата за это отчитывали, мать его в школу вызывали – одним словом, скандал.

Из Колтогорска нас было много, пятеро только из моего класса, были и старшеклассники, которые несли ответственность за младших. На выходные мы всегда торопились домой. Одноклассники даже обижались, потому что много мероприятий было именно по субботам. А нам хотелось домой, причем идти каждый раз ни много ни мало – километров семь пешком. Пять километров до реки и по реке еще полтора-два. В мороз, бывало, подвозили мужики до Пасола – посадят нас в сани и тулупами сверху укроют. А пешком мы ходили по глубокому снегу, дорога санная, не протоптанная. Сколько раз, бывало, и ноги обморозишь, и лицо. По весне и осени кричать надо было: “Перевезите!” – помогали нам рыбаки, отцы по очереди по льду переходить. Иначе без присмотра и помощи взрослых было просто опасно.

Развлечения у нас были самые простые. Летом травы дружно косили, играли в Зарницу, в волейбол, рыли пещеры, любили кино и танцы в клубе после кино. Часто зимой прыгали с крыши в снег, летом на лошадях без седла ездили, подстелят нам фуфайку и нормально. Очень любили ходить со взрослыми в бондарку (это что-то вроде мастерской), там мужики снасти разбирают, на просушку развешивают, самолоры

точат, а женщины перебирают, в правильном порядке укладывают, один к одному. Во время работы молча не сидят, то анекдоты начнутся, то «взрослые» разговоры – интересно!

Взрослые часто друг к другу в гости ходили. Праздники немцы вместе с русскими отмечали традиционные – Рождество, Пасху. Постов не было. Помню, бабушка говорила: «Какой пост, мы наголодовались, ешьте, пока есть что». Всегда на праздники была выпечка. По многим немецким рецептам мы готовим и по сей день – так, как это делали мои предки.

Дядька мой Александр Михайлович Штумпф был местным гармонистом - всегда с гармонью, а жена его, Лилия Давыдовна - певунья. Самодеятельность местная была хорошая. Вспоминаю 60-е годы с теплотой: жили мы все весело и очень дружно.

Воспоминания записала Е.А. Селиванова

2020 г.